

Содержание

1. Альлилуйя	7
2. Все в алом	24
3. Еретик!	39
4. Супружеские невзгоды	51
5. В суд	67
6. Правдивые истории прошлого	89
7. Королевские радости	111
8. Маленькая шея	129
9. Великое восстание	148
10. Конфискации	166
11. Старые обычаи	180
12. Тело Христово	193
13. Падение	201
14. Военные игры	217
15. Семейный портрет	232
16. Последние дни	243
17. Крушение алтарей	253
18. Бей папистов!	266

19. Амбары Кредитона	283
20. «Князь беспорядков»	305
21. Королева на девять дней	322
22. Восход	336
23. Вера отцов наших	359
24. Беспокойное время	372
25. «Ныне отпущаеши»	383
26. Королева-девственница	391
27. Две королевы	405
28. Тридцать девять шагов	424
29. Соперницы	443
30. Весенние обряды	460
31. Заговоры и группировки	484
32. Окончание праздника	507
33. Лягушатник	524
34. Великий заговор	546
35. Мертвые не кусаются	571
36. Непобедимая армада	584
37. Покайся! Покайся!	595
38. Заходящее солнце	606
39. Непокорный слуга	620
40. На исходе жизни	632
41. Реформация	637
<i>Библиография</i>	643
<i>Фотоматериалы</i>	652

1

Аллилуйя

Жизнь в этой земле текла привольно, словно молочные реки меж кисельных берегов. 21 апреля 1509 года престарелый король, на склоне дней одолеваемый еще большей нетерпимостью и алчностью, скончался в своем Ричмондском дворце на южном берегу Темзы. Весть о его смерти скрывали два дня, чтобы королевство не охватило смятение. Однако нового Генриха уже провозгласили следующим королем.

9 мая тело покойного Генриха VII в черной колеснице повезли из Ричмондского дворца в собор Святого Павла. Катафалк сопровождали 1400 церемониальных плакальщиков и 700 знаменосцев. Впрочем, скорбели немногие — если таковые и были вовсе; придворные и домашняя прислуга уже ожидали сына и наследника. Когда тело почившего короля опускали в склеп после заупокойной панихиды в Вестминстерском аббатстве, герольды возвестили: «Его величество король Генрих Седьмой скончался». И тут же единогласно вскричали: «Да здравствует его величество король Генрих Восьмой!» Его титул никто не оспаривал. Это было первое бесконфликтное престолонаследие в стране. Новому королю шел восемнадцатый год.

Праздник летнего солнцестояния, 24 июня, выбрали для торжества коронации. Блистательное в своем великолепии солнце провозглашало восход другого солнца. До восемнадцатилетия короля оставалось всего четыре дня. Церемония коронации считалась восьмым церковным таинством, в ходе которого Генрих был помазан миром или елеем в знак священного царствования. Его одеяния густо усыпали драгоценные камни — бриллианты, рубины, изумруды и жемчуг, создавая вокруг него сияющий ореол света. В тот момент он был олицетворением славы и власти. Возможно, его манера держаться и церемониальные одежды не обошлись без рекомендаций советников, однако вскоре он сам осознал всю силу театрализованного великолепия.

Генрих предусмотрительно устроил бракосочетание со своей избранницей за тринадцать дней до коронации, чтобы во время церемонии короля сопровождала королева. Так он давал всем понять, что на престол восходит зрелый мужчина, а не ребенок. Екатерина Арагонская была дочерью Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского, во время правления которых произошло объединение Испании. Она приехала в Англию, чтобы обвенчаться с принцем Артуром, старшим братом Генриха, однако обстоятельства обернулись не в ее пользу. Меньше чем через полгода после их свадьбы Артур скончался то ли от чахотки, то ли от потливой горячки, оставив Екатерину одну при английском дворе в незавидном положении вдовы, чья польза для монархии была исчерпана. Поговаривали, что якобы сам король Генрих VII, возможно, хотел с ней обручиться. Но об этом не могло быть и речи. Вместо этого она обручилась с принцем Генрихом и несколько лет испытывала нужду и лишения из-за сложного характера свекра, стремившегося подыскать своему сыну и будущему наследнику престола партию позавиднее. И все же спустя семь лет ожидания наступил момент

ее торжества. За день до коронации в паланкине, богато украшенном шпалерами и вышитыми золотом тканями, ее пронесли по улицам города из лондонского Тауэра в Вестминстер. На одной из современных гравюр Генрих и Екатерина вместе проходят обряд коронации в окружении епископов и высшего духовенства.

Молодость Генриха прошла в тени беспокойного и чрезмерно заботливого отца, вознамерившегося прежде всего обеспечить продолжение рода. Юный принц никогда не разговаривал на публике, разве что отвечая на вопросы короля. Ему разрешалось покидать дворец в Гринвиче или Элтеме лишь под бдительным надзором придворных, а оттуда через заднюю дверь он проскальзывал в дворцовый парк. Генрих получил основательное и разностороннее образование и приобрел репутацию самого просвещенного принца. Всю жизнь он считал себя превосходным полемистом, разбирающимся в тонкостях теологической науки, основанной на учении Фомы Аквинского. С ранних лет Генрих увлекался музыкой, сочинял мессы, песни и мотеты; пел и играл на клавишных инструментах. Вокруг него собралась собственная группа музыкантов, которая следовала за ним, куда бы король ни отправился, и к концу жизни он владел семьюдесятью двумя флейтами. Все в принце говорило о гармонии. В стихотворении, приуроченном ко дню коронации, Томас Мор назвал его славным венцом эпохи. Несомненно, его правление должно было знаменовать начало нового золотого века, в котором все добропорядочные люди живут в довольстве и процветании.

Крепко сложенный и привлекательный, юный Генрих был воплощением великолетия. Ростом чуть менее двух метров, он в буквальном смысле возвышался над своими подданными. В письменных свидетельствах говорилось, что «когда он идет, земля содрогается под его ногами».

Он преуспел в искусстве рукопашного боя и стрельбе из лука, соколиной охоте и поединках. Через девять месяцев после коронации Генрих организовал турнир, который должен был прославлять доблесть рыцарских подвигов. Король лично выехал на арену под видом вымышленного участника, но тайна вскоре была раскрыта. Он был знаком с произведениями Томаса Мэлори и Фомы Аквинского и прекрасно понимал, что хороший король должен быть храбрым и воинственным. Противника нужно повергнуть копьем или мечом. Нельзя колебаться или отступить. Это вопрос чести. Рыцарские поединки позволяли почувствовать войну на вкус, и новый король окружал себя молодыми вельможами, любившими зрелищные битвы. Английские аристократы были не прочь размять сухожилия и разогнать застоялую кровь.

В дни, когда Генрих не демонстрировал молодецкую удаль в поединках, он с равным рвением и храбростью предавался охоте. Он рассказывал о своих охотничьих выездах еще долгие дни после их окончания и спустя какое-то время стал владельцем конюшни на 200 лошадей. Охота была и остается любимым спортом королей. Она была формой войны против врага, полем битвы, где скорость и сноровка ценятся превыше всего. Генрих, бывало, по-нукал коня: «Тпру! Тпру! Полегче! Пошла!» Если лошадь получала увечья во время охоты, он перерезывал ей шею и вспарывал живот, чтобы запустить руки во внутренности; затем он вымазывал своих спутников в ее крови.

Более пожилые и почтенные придворные находились на его стороне. Это были королевские советники, большинство из которых служило прежнему королю. Архиепископ Кентерберийский Уильям Уорэм продолжил служить канцлером казначейства. Епископ Винчестерский Ричард Фокс по-прежнему занимал пост лорда-хранителя печати. Другие главные епископы – Даремский, Рочестерский

и Нориджский — оставались при дворе. Молодой король нуждался в наставлении и советах: только так королевство продолжало бы развиваться по намеченному пути. Однако его готовность прислушиваться к этим советам и следовать наставлениям оставалась под вопросом.

После безразличия и даже враждебности предыдущего короля уцелевшие члены дома Йорков вновь пользовались королевской милостью. Генрих VII считал себя претендентом на трон от Ланкастеров. Даже вступив в брак с Елизаветой Йоркской после коронации, он с подозрением и неприязнью относился к соперничающей королевской семье. В стране вынашивалась идея о том, что после династических войн предыдущего века существенное значение имеет единство нации.

Старшие члены совета не преминули воспользоваться возможностью сместить некоторых неугодных им «новых людей», которым благоволил Генрих VII. Двух самых близких его советников, пользовавшихся наибольшим доверием, арестовали и заключили в тюрьму. Сэр Ричард Эмпсон и сэр Эдмунд Дадли оказывали содействие предыдущему королю в кампаниях по сбору денежных податей, однако большинство епископов и пожилых аристократов испытывали к ним неприязнь и недоверие. Их обвинили в совершении «предполагаемой государственной измены» против юного короля, что само по себе было маловероятно, и казнили по закону. Неясно, сыграл ли Генрих какую-нибудь роль в вынесении этого, по сути, несправедливого смертного приговора, но без его формального одобрения это было невозможно. В дальнейшем он прибегал к тем же самым методам избавления от врагов.

В любом случае у Генриха был королевский характер и капризный нрав. Он мог быть как щедрым и великодушным, так и упрямым и капризным. Испанский посол докладывал своему королю, что «по правде говоря, принца не

считают доброжелательным человеком». Немного позже посол Франции рассказывал, что в присутствии Генриха его всегда охватывал страх за свою жизнь.

Одна из ранних вспышек королевского темперамента уже говорит о многом. Летом 1509 года король Франции Людовик XII прислал ответ на письмо, которое якобы отправил Генрих. В нем новый король предлагал дружбу и мир. Однако Генрих не имел никакого отношения к письму. Его от имени короля написал совет. Молодой монарх вознегодовал. «Кто написал это письмо? — потребовал он ответа. — Чтобы я просил мира у французского короля — короля, который не осмеливается взглянуть мне в глаза, а уж тем паче объявлять войну!» Его гордость была уязвлена. Он считал Францию своим извечным врагом. От владений по ту сторону Ла-Манша, над которыми некогда господствовали английские короли, остался лишь Кале. Генриху не терпелось вернуть свои исторические права, и с момента коронации он смотрел на Францию как на заветную награду, которую жаждал заполучить. Война была для него не только удовольствием, но и династическим долгом.

Однако удалось вкусить и радости мирной жизни. Генрих унаследовал королевство, не потревоженное военным лихолетьем, равно как и золотые горы, скопленные отцом. Генрих VII завещал сыну более 1 миллиона 250 тысяч фунтов стерлингов, что в современном исчислении равнялось бы примерно 380 миллионам фунтов. Вскоре все это богатство было растрчено, если не сказать — выброшено на ветер. Поговаривали, что молодой король сорил деньгами на любимые развлечения и спортивные состязания, что усугублялось его пренебрежением государственными делами. Однако не стоит понимать это буквально. Как свидетельствует письмо к французскому королю, ученые епископы предпочитали, чтобы их господин не предавался серьезным размышлениям.

Как бы то ни было, в королевстве назрели более важные дела. В конце января 1510 года у Екатерины Арагонской начались тяжелые схватки, в результате которых на свет появилась мертворожденная девочка. Однако Екатерина, по всей очевидности, носила под сердцем еще одного ребенка, и приготовления к королевским родам продолжились. Впрочем, напрасно. Припухлость живота спала, оказавшись последствием инфекции, а не беременности. Народу объявили о том, что у королевы произошел выкидыш, однако не утихали слухи, что, возможно, она бесплодна. Для королевы Англии не было более зловещего рока, чем неспособность дать королевству наследника. Она положила конец пересудам, родив мальчика в первый день 1511 года, однако младенец умер двумя месяцами позже. Можно было подумать, что королеве просто не благоволит судьба, но король в конечном итоге стал подозревать нечто куда худшее, чем просто несчастная доля.

Генрих уже нарушал супружескую верность. Пока Екатерина боролась с тяготами фантомной беременности в первых месяцах 1510 года, он нашел утешение в объятиях Анны Стаффорд. Она была одной из фрейлин королевы и уже состояла в браке. Анна приходилась сестрой герцогу Бекингему, чрезвычайно щепетильному в вопросах семейной чести. Анну Стаффорд отправили в монастырь, а Бекингем удалился от двора после яростной стычки с королем. Екатерину Арагонскую поставили в известность о случившемся. Совершенно естественно она встала на сторону Бекингема. Королеву стыдили за измену супруга с ее служанкой. Во дворце и без того уже царили обман и разногласия. Возможно, у короля были и другие связи, о которых никто не подозревал. Его любовница, жена придворного ювелира, позже объявила о том, что король тайно приходил к ней в дом на улице Темзы, принадлежавший одному из первых вельмож.

Впрочем, все грехи плоти можно было искупить. В самом начале 1511 года Генрих отправился в паломничество к святыне Божьей Матери Уолсингемской в графстве Норфолк. По свидетельствам очевидцев, король прошел весь паломнический путь босиком, в одиночку, чтобы помолиться за своего новорожденного сына, жизнь которого висела на волоске. Летом того же года он совершил паломничество к усыпальнице магистра Джона Шорна в местечке Северный Марстон, расположенном в графстве Бекингемшир. Шорн был приходским священником в той деревне, снискавшим репутацию святого и безгрешного человека, а его усыпальница стала местом чудесных исцелений. Говорили, будто бы он запрятал самого дьявола в ботинок благодаря своим магическим способностям.

В вопросах веры Генрих был преданным сыном церкви. По крайней мере, в этом отношении он походил на подавляющее большинство своих подданных. Как докладывал посол Венеции, «все они каждодневно посещают литургию и всенародно читают “Отче наш”, а женщины в руках держат длинные четки». Начало царствования Генриха ознаменовалось процветанием католической церкви. Она восстановила свою мощь и влияние. На юго-западе, к примеру, началось бурное строительство и реконструкция церквей. Больше внимания стали уделять проповедям. Там, где раньше прихожане стояли на коленях на устланном камышом полу, теперь ставили скамьи напротив кафедр.

Это была церковь древних обычаев и традиционных церемоний. В Страстную пятницу, например, проходил обряд поклонения Кресту Господню. Два священника держали над головой укрытое покровом распятие, стоя за главным алтарем, а в это время певчие исполняли антифоны; затем покров снимали и ставили распятие на третьей ступени перед алтарем, священнослужители на коленях подползали к нему и целовали. Позже, под звуки исполняемых

певчими гимнов, крест сносили к прихожанам, которые преклоняли колени и прикладывались к нему устами. Далее распятие облекали в полотно и устанавливали в «саркофаге», чтобы вновь торжественно представить пастве утром в Пасхальное воскресенье. Это был век рождественских богослужений и церковных праздников, святых мощей, паломничества и чудес.

Прежняя вера в равной степени зиждилась на общинных обрядах, как и на богословских учениях. Краеугольным камнем благочестия было таинство пресуществления во время мессы, когда хлеб и вино превращались в тело и кровь Христа. Религиозная жизнь питалась священнодействиями, которые отправляли рукоположенные служители церкви, верные подданные папы римского. Верующим надлежало посещать мессу по воскресным дням и религиозным праздникам, поститься в определенное время, исповедоваться и причащаться по меньшей мере раз в год. Самым сильным верованием была вера в хождение по мукам, когда живые молились за души мертвых, чтобы скорее положить конец их страданиям. Сама старая церковь представляла собой приобщение живых и мертвых.

Святые играли роль могущественных посредников, их почитали как заступников и благодетелей. Святая Варвара защищала своих приверженцев от грома и молнии, а святая Гертруда оберегала от мышей и крыс. Святая Дорофея охраняла целебные травы, тогда как святая Аполлинария излечивала зубную боль. Святой Николай не давал верующим утонуть, а святой Антоний охранял домашних свиней. Однако самой почитаемой заступницей была Дева Мария, Матерь Божья, чей лик, окруженный свечами и фимиамом, можно было встретить повсюду.

Церкви, таким образом, были заполнены изображениями святых и светом. Например, лондонские храмы представляли собой настоящие сокровищницы с серебром

ными подсвечниками и кадилницами, серебряными распятиями, кубками и дискосами. Главный алтарь и крестная перегородка, отделявшие священника от прихожан, являлись подлинными произведениями искусства и лучшими образцами филигранной работы. Изображения Иисуса и Девы Марии, святых покровителей и местнопочитаемых святых украшали все свободные пространства. Они носили венцы и ожерелья из драгоценных камней; на пальцах были надеты кольца, а одежды сверкали золотом. Некоторые церкви даже демонстрировали рога единорогов или страусиные яйца, чтобы вызвать восхищение у верующих.

Священнослужители, возможно, не отличались подобной непоколебимостью. И все же положение духовенства было прочным, насколько позволяла человеческая природа. Некомпетентные или нерадивые священники, конечно, встречались, однако в церковной канцелярии не наблюдалось общей неорганизованности и злоупотреблений. Больше мужчин и женщин вступали в религиозные ордены, чем в прошлом веке, а с изобретением печатного станка наступил бурный расцвет церковной литературы. В период между 1490 и 1530 годами вышло не менее двадцати восьми изданий «Часов Пресвятой Девы Марии». Религиозные гильдии, основанные для сбора средств на благотворительность и молебны о душах умерших, еще никогда не были столь популярными; они представляли собой институциональный аспект религиозной общины.

Несомненно, были и ревностные сторонники Реформации, которые мечтали о возрождении христианского духа, погребенного под золотым панцирем религиозного церемониала и традиций. Тот факт, что подобные страстные призывы звучали повсюду, являлся, в сущности, мерилем жизнеспособности церкви в начале XVI столетия. Зимой 1511 года Джон Колет, взойдя на кафедру в соборе Святого Павла в Лондоне, обратился к высшему духовен-

ству королевства с проповедью о религиозной реформе. Он вновь вернулся к этой теме во время собрания священнослужителей в здании капитула Кентерберийского собора. «Никогда, — сказал он, — церковь еще так не нуждалась в ваших энергичных усилиях». Слово было сказано, однако сама затея казалась невысказанной. Под реформацией Колет понимал повышение компетентности, а следовательно, и престижа священства.

Он питал презрение к более примитивным религиозным предрассудкам католиков, таким как почитание мощей святых и использование молитвы в качестве магического заклинания, однако не ставил под сомнение принципы веры и теологические догматы. В отношении этих вопросов церковь была непоколебима. В мае 1511 года шестерых мужчин и четырех женщин из городка Тентерден в графстве Кент обвинили в ереси за то, что они заявляли, что в таинстве причастия используется не тело Христа, а обыкновенный хлеб. Их заставили отречься от своих верований и всю оставшуюся жизнь носить на одежде значок с изображением вязанки хвороста, горящей в языках пламени. Двух мужчин тем не менее сожгли на костре за «рецидив» ереси: они раскаялись, но потом вновь вернулись к своим прежним убеждениям. Латинский секретарь Генриха, клирик из Италии по имени Аммониус, несколько преувеличенно написал: «Не приходится удивляться, что цена хвороста взлетела, ведь столько еретиков ежедневно отправляют на сожжение, и тем не менее растет количество новых, занимающих их место».

Карьера самого Аммониуса свидетельствует о том, что церковь по-прежнему являлась сферой королевского фаворитизма. Это была истина, высшим воплощением которой стал Томас Уолси. Уолси попал в круг приближенных Генриха благодаря посредничеству епископа Фокса, лорда-хранителя печати, и, очевидно, сразу впечатлил моло-

дого короля своей энергией и скрупулезным вниманием к деталям. К весне 1511 года он отправлял письма и счета по непосредственным указаниям короля, таким образом искусно обходя стороной сложные формальности. Он по-прежнему оставался всего лишь настоятелем собора в Линкольншире, однако уже тогда давал Генриху советы по международным и религиозным вопросам.

Он обладал даром учтивости, а также трудолюбия и был бесконечно изобретателен; он делал то, что хотел король, и при этом быстро. Мнение короля было его собственным. Уолси был, по словам его церемониймейстера Джорджа Кавендиша, «самым убежденным и охотливым из всех членов совета, готовым исполнить любое желание и прихоть короля в любых обстоятельствах». Двадцативосьмилетний служитель церкви, он был на целое поколение младше престарелых епископов в совете. Такого человека молодой король мог сделать своим поверенным, на него можно было положиться. Уолси просыпался в четыре утра и мог работать по двенадцать часов кряду. Кавендиш рассказывал, что «мой господин ни разу не вставал, чтобы сходить в уборную или поесть мяса». Закончив свои дневные труды, он шел на литургию, съедал легкий ужин и удалялся ко сну.

Уолси, таким образом, стал исполнителем воли короля, особенно истово усердствуя там, где дело касалось притязаний Генриха в отношении Франции. В ноябре 1511 года Генрих присоединился к Священной лиге вместе с папой римским Юлием II и его свекром, испанским королем Фердинандом, чтобы с благословения папы вторгнуться на территорию Франции. Генрих грезил о войне, и, конечно, предлог для битвы всегда можно было найти. В данном случае предлогом для развязывания военных действий стало вторжение французских войск на территорию Италии. На следующий месяц для Генриха устроили

рождественское пиршество в доме монахов-доминиканцев в Ладгейте, где красовались искусственные чучела льва и антилопы. Четверо рыцарей-поединщиков сразились со своими соперниками, переодетыми «вудву», или лесными жителями. Это было зрелище, призванное прославить военные сражения. Несколько месяцев спустя парламент издал указ, согласно которому всем мальчикам полагалось тренироваться в стрельбе из лука.

Впрочем, в тот момент королю давали совершенно иной совет. Епископы и члены Королевского совета убеждали Генриха сохранить мир и воздержаться от непредсказуемой и затратной войны с Францией. Многие из реформистски настроенных священнослужителей придерживались антивоенных убеждений и сожалели, что замечательный князь мира так скоро превратился в яростного воинственного льва. Выступая с кафедры собора Святого Павла, Колет заявил, что «несправедливый мир лучше справедливейшей из войн». Как писал Эразм Роттердамский, голландский гуманист, состоявший на тот момент при Кембриджском университете, «простой народ строит города, а безумие государей их разрушает».

Однако старые аристократы и молодые вельможи из королевской свиты настаивали на сражении и заключении выгодного союза с Испанией против давнего врага. Екатерина Арагонская, взявшая на себя роль посла Испании при английском дворе своего супруга, также выступала за войну с Францией. Таким образом она исполняла желание своего отца. Соотношение сил было неравноценно, особенно когда его нарушало стремление Генриха к боевой славе. Больше всего ему хотелось быть «доблестным рыцарем» в духе артуровских традиций. В этом состояло истинное предназначение настоящего короля. Какое значение имело то, что в тот момент Англии грозила целая череда неурожаев, когда хлеб дорожал, а жить становилось все тя-

гостнее? Воля короля означала закон. Разве его не провозгласили королем Франции во время коронации? Он хотел вновь вернуть себе право, принадлежащее ему по рождению.

В апреле 1512 года Франции объявили войну; флотилии из восемнадцати боевых кораблей предстояло доставить 15 тысяч воинов в Испанию, откуда они должны были напасть на врага. В начале лета английские войска высадились в Испании. Для них не подготовили ни палаток, ни провизии. Они ночевали в полях и под зарослями кустов, ничем не защищенные от проливных дождей. Сезон выдался душным, распространяющим вокруг заразу — угроза, обострению которой способствовало горячее испанское вино. Люди жаждали пива, но его негде было найти.

Вскоре стало очевидно, что Фердинанд обвел их вокруг пальца: не имея никакого намерения вторгаться во Францию, он просто хотел, чтобы его границу охраняли английские войска, в то время как сам он ведет самостоятельную войну против королевства Наварры. На посулы он был щедр, как говорил один английский командир в письме королю, однако слово свое не держал. Из-за дизентерии погибло множество людей, а на фоне бушующих болезней и нехватки продовольствия поползли слухи и предостережения о грядущем мятеже. В октябре 1512 года английские войска отправились восвояси. «Англичане долгое время воздерживались от войны, — говорила дочь императора Максимилиана, — они потеряли сноровку из-за отсутствия практики». Молодой король был обесчещен и предан. Вероломство тестя привело Генриха в ярость, и, казалось, частично он возлагал вину за это фиаско на Екатерину. Вскоре в Риме появилось сообщение, что король желает аннулировать свой брак с женой, главным образом потому, что она так и не смогла родить ему здорового наследника, а затем жениться на ком-нибудь другом.

Генрих тем не менее не смирился с подобным унижением в Испании и тотчас стал планировать собственную военную экспедицию. Он возглавил бы гигантскую кампанию, а масштабы его побед повторяли бы триумфы Генриха V. Король, как главный феодал, призвал своих подданных аристократов и их вооруженную свиту. Славные дни Азенкура воскресли вновь. Вскоре Генрих вернул Томасу Говарду отцовский титул герцога Норфолка, а Чарльзу Брэндону, своему партнеру по рыцарским турнирам, даровал титул герцога Суффолка; оба военачальника, таким образом, обрели достаточный сан. Однако, чтобы повторить подвиги средневекового короля, Генрих нуждался в людских и материальных ресурсах. По существу, Уолси превратился в военного министра. Именно он организовал флотилию и позаботился об отправке кораблей с 25 тысячами воинов во Францию под королевским знаменем. Он стал абсолютно незаменимым для Генриха. Король пожаловал его настоятелем Йоркского собора – еще одна веха его неудержимого карьерного роста.

Большая часть воинов отплыла веснами 1513 года, а несколькими неделями позже за ними последовал король. Он прибыл в Кале с дружиной в 300 человек и со свитой из 115 священников и певцов капеллы. Его богато украшенную кровать внушительных размеров перевозили следом за королем вдоль всего маршрута на восток и еженощно застилали в специально сооруженном шатре из золотой парчи. У короля было одиннадцать шатров, соединенных вместе; один из них предназначался для его повара, другой служил кухней. Куда бы он ни отправился пешком или верхом, его повсюду сопровождал эскорт из четырнадцати юношей в вышитых золотом жакетах. На его лошади звенели золотые колокольчики. Самый пышный из всех шатров украшали золотые дукаты и флорины. Король стремился продемонстрировать свое величие, равно как

и свою доблесть. Генрих вступил в союз с императором Священной Римской империи Максимилианом I, чьи номинальные владения охватывали большую часть Центральной Европы, однако Генрих также жаждал личного императорского полновластия. Еще до этого он заказал себе «роскошную корону, усыпанную драгоценными камнями», которая вскоре стала известна как императорская корона; в свое время она стала олицетворением его владычества над всей Британией, а также верховенства над церковью в пределах своих владений.

Военные действия в самой Франции были в значительной мере непоследовательными. Летом 1513 года английские войска осадили небольшой городок Тербуан в графстве Фландрия; одно из формирований французской кавалерии пошло на них в наступление, обменялось несколькими залпами с противником, а затем ретировалось. Их отступление было настолько стремительным, что бой окрестили «битвой шпор». Сам Генрих все это время оставался в тылу и не принимал участия в военных действиях. Эта победа не стала блистательным триумфом, и все же это была победа. Когда Тербуан наконец сдался, королевские хористы исполнили «Тебя, Бога, хвалим».

Английская пехота и кавалерия перешла к осаде Турне, намного более заманчивого трофея, который не удалось заполучить Эдуарду III летом 1340 года. Город сдался через неделю после прибытия английских войск. Генрих поставил в городе гарнизон и укрепил его цитадель; он также потребовал, чтобы Томаса Уолси назначили епископом городского собора. Три недели победу отмечали рыцарскими турнирами, танцами и шумными гуляньями, перемешав в общем веселье придворных Максимилиана и Генриха. Затем король с триумфом отплыл обратно в Англию.

Однако эти короткие войны повлекли за собой непомерные издержки и трату большей части накоплен-

ного Генрихом VII богатства, которое тот завещал сыну. Уолси убедил парламент выделить субсидию — по сути, в виде налога, взимаемого с каждого совершеннолетнего жителя, однако мера оказалась непопулярной и сложной в исполнении. Стало очевидно, что Англия не могла позволить себе вести войну на равных с более влиятельными европейскими державами. У короля Франции было втрое больше подданных и втрое больше ресурсов; у короля Испании было в шесть раз больше подданных и в пять раз больше доходов. Честолюбие и жажда славы Генриха превосходили его возможности.

Так или иначе, настоящую пальму первенства удалось получить совсем в другом месте, в 1513 году. Воинственно настроенные шотландцы были готовы в очередной раз возобновить старый союз с Францией. Витали опасения, что Яков IV готовился к вторжению в Англию, пока король занят другими делами. Так и оказалось. Екатерина лично участвовала в приготовлениях к сражению. В письме мужу она сообщала, что «ужасно занята подготовкой штандартов, знамен и эмблем», и сама повела армию на север. Однако победа была одержана еще до ее прибытия. Яков IV перевел своих солдат через границу, но по команде престарелого графа Суррея английские войска сдержали натиск и победили противника. Тело поверженного Якова оставили на поле битвы, и Джон Скелтон писал, что «под холмами Флоддена наши луки и копыя выкосили весь цвет шотландской чести и доблести»; пали 10 тысяч шотландцев. Окровавленную и разодранную в клочья мантию шотландского короля отослали Генриху в Турне. Екатерина отправила мужу весть с сообщением о победе и заявила, что битва при Флоддене «стала для Вашей светлости и для всего государства величайшей наградой — большей, чем могла бы дать корона Франции». Генрих был поистине властителем своего королевства.